

СПЕЦИАЛЬНАЯ ТЕМА НОМЕРА:
**РИЗАЭДДИН ФАХРЕДДИН:
РЕФОРМАТОР И «СЕТЕВОЙ МЕНЕДЖЕР»**

От редакции

УДК 908

**РИЗАЭДДИН ФАХРЕДДИН:
РЕФОРМАТОР И «СЕТЕВОЙ МЕНЕДЖЕР»**

Д.З. Марданова

*Институт истории им. Ш. Марджани
Академии наук Республики Татарстан
Казань, Российская Федерация
dinara.mardanova@gmail.com*

М.Р. Гайнанова

*Институт истории им. Ш. Марджани
Академии наук Республики Татарстан
Казань, Российская Федерация
mgaunanova@gmail.com*

В вводной статье к тематическому номеру «*Ризаэддин Фахреддин: реформатор и «сетевой менеджер»*» предпринимается попытка взглянуть на религиозное, общественное, издательское, научное и писательское наследие Ризаэддина Фахреддина в свете его участия в конструировании мусульманского публичного пространства внутри российского общества.

Ключевые слова: мусульманское реформаторство, XIX век, Россия, Ризаэддин Фахреддин

Для цитирования: Марданова Д.З., Гайнанова М.Р. Ризаэддин Фахреддин: реформатор и «сетевой менеджер» // Историческая этнология. 2020. Т. 5, № 2. С. 198–205. <https://doi.org/10.22378/he.2020-5-2.198-205>

Российское общество характеризуется богатством культур проживающих здесь народов, разнообразием форм их взаимодействия и контактов. Данное обстоятельство влияло на историю этих территорий, делая

опыт межэтнических отношений уникальным, в том числе в таком его аспекте, как производство знания. Активное участие в этом процессе играло государство, непосредственно определявшее и направлявшее его в нужное, с точки зрения государственного интереса, русло.

В данных условиях нередко вставал вопрос: что управляет столь многоголиким и неоднородным обществом? Кто или что конструирует публичное пространство, устанавливает норму, формирует стандарты и систему ценностей, направляет вектор его развития? Принято считать, что в поликультурных и многоконфессиональных обществах правом голоса обладает некое властное «большинство», навязывающее другим «правила игры». Однако, как показывают недавние исследования, это не совсем и не всегда так. Даже в условиях Российской империи, которая вплоть до 1905 г. (указа Николая II от 17 апреля 1905 г. «Об укреплении начал веротерпимости») на законодательном уровне официально считалась православной империей, данная формула не работала столь прямолинейно и однобоко. Существовало множество различных форм взаимодействия между различными акторами на имперском пространстве.

Подтверждением, в частности, служат исследования Роберта Крюза, рассмотревшего становление России как мусульманской державы, когда ислам становился компонентом имперского христианского общества, а сами мусульмане оказывались активными участниками повседневной жизнедеятельности империи (Strews 2019). Другим примером стало исследование Паоло Сартори и Павла Шаблея, которые на примере кодификации местного права в ходе присоединения Казахской степи к Российской империи в 60–70-е годы XIX века показали, что процесс имел разнонаправленный характер и в нем принимали участие не только имперские акторы, но также и представители местных элит; кроме того, на изменения в стратегиях кодификации влияли политические, экономические и культурные факторы – все вместе это создавало ситуацию «правовой гибридности» (Сартори, Шаблей 2017). Интересный пример разных стратегических тактик мусульман рассмотрела Розалия Гарипова, проанализировав брачные практики российских мусульман. Она показала, что нередко верующие лавировали между существующими инстанциями (имперскими и шариатскими судами), выбирая наиболее подходящую и удобную для них в решении того или иного вопроса (Garipova 2017: 112–141).

Поэтому голос «большинства», конечно, звучит «громче», но только до определенного момента – пока не выработана стратегия поведения, позволяющая «меньшинству» лавировать между установленными правилами и стандартами, и задача эта, конечно, облегчается в условиях тяжеловесного бюрократического аппарата и всевозможных «но».

В связи с этим, даже имея доступ к экономическим, политическим, информационным и прочим ресурсам, «большинство» тем не менее вынуждено прислушиваться и реагировать на другие голоса публичного про-

странства. Подобная исследовательская рамка позволяет уйти от виктимизирующего нарратива, нередко пропагандируемого разными акторами публичного пространства, видящими в татарах и в целом мусульманах исключительно подчиненных субъектов, совершенно лишенных права голоса и вынужденных подстраиваться и «догонять».

В рамках данной проблематики интересны стратегии и тактики поведения, к которым прибегали мусульмане Волго-Уральского региона на рубеже XIX–XX вв. Один из ярких их представителей, сыгравших важнейшую роль в пропаганде реформаторских идей, формировании и трансформации исламского дискурса того времени, – татарский писатель, ученый и религиозный деятель Ризаэддин Фахреддин (1859–1936), еще при жизни заслуживший всенародную славу, почет и уважение. Как человек рубежного времени, который понимал, что в изменяющихся условиях мусульманам необходимо занять свою нишу и найти формы взаимодействия с представителями власти, Фахреддин действовал на разных уровнях. За свою жизнь пройдя долгий путь от религиозного и общественного деятеля, издателя и публициста, ученого и богослова до писателя и историка, он в каждом амплуа поступал в зависимости от окружающей обстановки и в соответствии с существующими потребностями. В январе 2019 года исполнилось 160 лет со дня рождения Ризаэдина Фахреддина, поэтому мы подготовили специальный номер в журнале «Историческая этнология», посвященный его творческому наследию.

Номер открывает статья *Розалии Гариповой*, где анализируется правовой сборник «*Мутала'а*». В сборнике через частный случай – проблемы развода женщин, чьи мужья пропали или исчезли по тем или иным причинам, Фахреддин, будучи *кади* Оренбургского магометанского духовного собрания, пытается решить более важные структурные проблемы, появившиеся в XIX веке и связанные с религиозным авторитетом и применением шариата мусульманами Российской империи. Осознавая, что решить этот вопрос возможно только объединив усилия, он одновременно создает общее пространство для правотворчества, в котором принимают участие мусульмане всей империи. Тем самым создается общее дискурсивное поле, где сам Фахреддин выступает неким рупором для мусульман разных частей империи.

В продолжение темы о муфтияте как важной проблеме в российском исламском дискурсе *Ренат Беккин* рассматривает нарративы о происхождении муфтията в среде волго-уральских мусульман. Автор пишет, что к середине XIX в. тюрко-татарское население Российской империи стало рассматривать Духовное собрание в Уфе как институт, охраняющий его национальную идентичность в православном государстве. Происходит постепенное присвоение муфтията определенной частью мусульманского населения империи, конструируется легенда о том, что муфтият как институт исторически существовал у тюрко-татар задолго до того, как они были по-

корены Москвой. Позже легенда о муфтияте как национальном институте татар подвергается модификации, но главный тезис о том, что муфтият является важным инструментом сохранения духовной культуры татарского народа, остается неизменным. Изменения в интерпретации истории института муфтията во многом отражали процессы, происходившие в системе духовных управлений мусульман в советское время.

Важным ресурсом для формирования общественного мнения и полем для влияния на исламский дискурс являются периодические издания – газеты, журналы, получившие широкое распространение среди мусульман начиная с XX в. Понимая это, Фахреддин активно использует данный ресурс, выступая в качестве издателя, редактора, журналиста вначале газеты «*Вақыт*» (1906–1918), позднее журнала «*Шура*» (1908–1917). В своих статьях Фахреддин затрагивает вопросы образования, просвещения, положения мусульман; касается деятельности религиозных институтов; публикует биографические очерки, статьи по истории, вопросам религии и нации, периодической печати, языку и литературе. В качестве редактора Фахреддин привлекает авторов не только из разных городов Российской империи, но также Бейрута, Каира, Льежа, Медины, Парижа, Стамбула и других, превращая прессу в место для обсуждения актуальных вопросов.

Ляля Муртазина на примере публикаций Фахреддина в татарской периодической печати за 1913–1914 гг. рассматривает его ответы, а также мнения мусульманской общественности в связи с официальным письмом Департамента духовных дел иностранных исповеданий Министерства внутренних дел России. В письме спрашивалось мнение мусульман о состоянии религиозных школ с точки зрения постулатов исламского вероучения. Ответ Фахреддина играл важную роль при формировании правильного отношения к татарским школам.

Ильяс Мифтахов анализирует статьи и высказывания Фахреддина, опубликованные в рубрике «Об одежде» в журнале «*Шура*», где он работал главным редактором. Фахреддин провел глубокий анализ религиозных, национальных, экономических и медицинских аспектов в одежде. Он сообщает о том, что не существует специального одеяния, предписываемого исламом для священнослужителей, и что у каждой нации существует своя одежда, соответствующая климатическим условиям и обычаям. Акцент делается на том, что ученым (*улемы*) и духовенству следует отличаться от остальных людей хорошими знаниями и высокой нравственностью, а не внешним одеянием. Тем не менее желательно для духовенства носить ту одежду, которая считается у их народа религиозной; у татар, например, отличительной особенностью одежды религиозных деятелей являются *чалма* и *чапан*. Фахреддин занимает твердую позицию в отношении сохранения национальной одежды, подчеркивает ее необходимость и актуальность во все времена.

Богословского наследия Фахреддина касаются в своих статьях *Айдар Хайрутдинов* и *Айдар Гайнутдинов*. В статье Хайрутдинова рассматривается критика Мусы Бигиева на сочинение Фахреддина «*Дини вә ижтимагый мәсәләләр*» («Религиозные и социальные проблемы»). Обсуждаются вопросы, связанные с отношением к практике *такфира*; о соотношении между убеждениями верующего и движениями сердца; о необходимости использовать достижения науки для понимания Корана, перевода его отдельных сур. Гайнутдинов анализирует критику Фахреддина в адрес сочинения признанного татарского богослова Шихабуддина Марджани. Фахреддин рассматривает вопросы вероубеждения ученого Ибн Таймии, которого некоторые обвиняли за его утверждения о телесности Бога и нахождении Его в конкретно определенном месте, а также за запрет посещать могилу пророка Мухаммада. По мнению автора статьи, Фахреддин, тщательно изучив его книги, приходит к выводу, что ученого оклеветали и неправильно поняли. В защиту этой позиции приводятся аргументы и слова других ученых.

Чувствуя ответственность за свой народ и, вероятно, понимая, что в условиях индустриализации и модернизации общества требуются новое сознание и новый образ мыслей, Фахреддин пишет в том числе художественные произведения, а также выпускает целую серию сочинений о воспитании. Среди работ по воспитанию и нормам поведения: «*Тәрбияле ана*» («Воспитанная мать»), «*Тәрбияле бала*» («Воспитанный ребенок») и «*Шәкертлек адабе*» («Поведение шакирда»), «*Тәрбияле хатын: хөрмәтле галимнәр эсәрәннән жьелды. Һәрбер өйдә вә һәрбер хатын кулында бу китаптан бер данәсе булырга тиешледер*» («Воспитанная женщина: собрано из произведений уважаемых ученых»). Среди художественных сочинений – «*Сәлимә*» («Салима»), «*Әсма*» («Асма»), в которых автор выступает сторонником приобщения народа к достижениям европейской культуры, поднимает проблему эмансипации женщины. *Альфат Закирзянов* в своей статье на примере этих повестей прослеживает тесную связь между общественными изменениями и судьбой женщин; в них исламские ценности изображаются в тесной взаимосвязи с русско-европейскими достижениями. В центре Вселенной у Фахреддина оказывается нравственный, образованный и воспитанный человек, радеющий за интересы народа. По мнению автора статьи, в действиях главных героев художественных произведений Фахреддина отражаются авторские религиозно-этические и философско-эстетические взгляды.

Выбор Фахреддином женщины в роли идеализированного героя неслучаен. В целом осознавая огромную роль женщины в жизни общества, Фахреддин видит в женщинах «матерей нации», задача которых – воспитать новое поколение, достойных «сынов нации». Поэтому в условиях эмансипационных процессов второй половины XIX – первой половины XX вв. в мире и в российском обществе, он также выводит в своих работах

Марданова Д.З., Гайнанова М.Р. Ризаэддин Фахреддин:
реформатор и «сетевой менеджер»

татарскую и мусульманскую женщину на первый план. Важным шагом в этом направлении стало его биографическое сочинение «*Мәшиһур хатыннар*» («Знаменитые женщины»), посвященное известным мусульманским женщинам. На упомянутом сочинении в своей статье останавливается *Алсу Хасавнех*. Автор рассматривает две версии этого произведения, первая из которых – печатная книга, изданная в Оренбурге в 1904 г.; вторая – рукописный список, датируемый 1934 г. В статье автор исследует структуру печатной книги, особенности и примечательные стороны ряда разделов «*Мәшиһур хатыннар*». Также в статье дается перевод биографии одной из ярчайших представительниц татарской нации – Гафифы Тунтари.

Сочинение «*Мәшиһур хатыннар*» – не единственная работа подобного рода. Заслуга Фахреддина – в том, что он в целом уделяет большое значение исторической научной работе. Он создает целую «серию» биографических сочинений, где рассказывает о важной роли выдающихся мусульманских деятелей: наряду с «*Мәшиһур хатыннар*», его перу также принадлежат сочинение «*Мәшиһур ирләр*» («Знаменитые мужья») и получивший наибольшую известность биографический труд «*Асар*», где на основе материалов метрических книг Фахреддин сумел восстановить биографии, точные даты рождения и смерти и родословные видных людей, ученых и имамов. Важными источниками для этих работ стали метрические книги, которые, как отмечает *Эльмира Салахова* в своей статье, сохранились во многом благодаря стараниям Фахреддина. В статье анализируется роль метрических книг в качестве источников для научных исследований, рассматривается степень использования метрических книг ученым-исследователем Фахреддином в своих работах, а также источниковедческие возможности этих документов в раскрытии целого ряда научных тем. Также автор статьи обращается к автобиографии Фахреддина, содержащей много выписок из метрических книг членов его семьи и близких родственников.

Рамзия Абзалина в рубрике «Документы» описывает коллекцию личных вещей Фахреддина в фондах Национального музея РТ, приводит информацию о приобретении этой коллекции музеем.

Завершает номер статья-обзор произведений Ризаэддина Фахреддина, опубликованных в 2018–2020 гг.

НАУЧНАЯ ЛИТЕРАТУРА

Crews R. For Prophet and Tsar: Islam and Empire in Russia and Central Asia. Harvard University Press, 2006.

Garipova R. Married or not Married? On the Obligatory Registration of Muslim Marriages in Nineteenth-Century Russia // Islamic Law and Society. 2017. № 24. Pp. 112–141.

Сартори П., Шаблей П. Эксперименты империи: адат, шариат и производство знаний в Казахской степи. М.: Новое литературное обозрение, 2019.

Сведения об авторах:

Марданова Динара Замировна – научный сотрудник отдела истории религий и общественной мысли Института истории им. Ш. Марджани Академии наук Республики Татарстан (420111, ул. Батурина, 7А, Казань, Российская Федерация); dinara.mardanova@gmail.com

Гайнанова Миляуша Рамилевна – кандидат исторических наук, старший научный сотрудник отдела истории религий и общественной мысли Института истории им. Ш. Марджани Академии наук Республики Татарстан (420111, ул. Батурина, 7А, Казань, Российская Федерация); mgaynanova@gmail.com

Поступила 20.10.2020

Принята к публикации 11.11.2020

Опубликована 25.11.2020

**RIZAEDDIN FAKHREDDIN:
A REFORMER AND A “NETWORK MANAGER”**

D.Z. Mardanova

*Sh. Marjani Institute of History of the Tatarstan Academy of Sciences
Kazan, Russian Federation
dinara.mardanova@gmail.com*

M.R. Gaynanova

*Sh. Marjani Institute of History of the Tatarstan Academy of Sciences
Kazan, Russian Federation
mgaynanova@gmail.com*

In an introductory article to the thematic issue “Rizaeddin Fakhreddin: a Reformer and a ‘Network Manager’” we attempt to look at the religious, social, publishing, scientific, and literary legacy of Rizaeddin Fakhreddin in the light of his participation in the construction of Muslim public space within Russian society.

Keywords: Muslim reformism, Russia, 19th Century, Rizaeddin Fakhreddin

For citation: Mardanova D.Z., Gaynanova M.R. Rizaeddin Fakhreddin: reformator i “setevoy menedzher” [Rizaeddin Fakhreddin: a Reformer and a “Network Manager”]. *Istoricheskaya etnologiya*, 2020, vol. 5, no. 2, pp. 198–205. <https://doi.org/10.22378/he.2020-5-2.198-205>

REFERENCES

Crews R. *For Prophet and Tsar: Islam and Empire in Russia and Central Asia*. Harvard University Press, 2006. (In English)

Марданова Д.З., Гайнанова М.Р. Ризаэддин Фахреддин:
реформатор и «сетевой менеджер»

Garipova R. Married or not Married? On the Obligatory Registration of Muslim Marriages in Nineteenth-Century Russia. *Islamic Law and Society*, 2017, no. 24, pp. 112–141. (In English)

Sartori P., Shabley P. *Eksperimenty imperii: adat, shariat i proizvodstvo znaniĭ v Kazakhskoi stepi* [Empire Experiments: Adat, Sharia and Knowledge Production in the Kazakh Steppe]. Moscow: Novoe Literaturnoe Obozrenie Publ., 2019. (In Russian)

About the authors:

Dinara Z. Mardanova is a Research Fellow of the Department of History of Religions and Social Thought, Sh. Marjani Institute of History of the Tatarstan Academy of Sciences (7A Baturin St., Kazan 420111, Russian Federation); dinara.mardanova@gmail.com

Milyausha R. Gaynanova is Cand. Sc. (History), Senior Research Fellow of the Department of History of Religions and Social Thought, Sh. Marjani Institute of History of the Tatarstan Academy of Sciences (7A Baturin St., Kazan 420111, Russian Federation); mgaynanova@gmail.com

*Received October 20, 2020 Accepted for publication November 11, 2020
Published November 25, 2020*